

ТЕЗКИ

1

Он жил один, почти за городом, в давнишнем доме у пруда, в старинном саду. В жару сад безмолвствовал, только лопались и трещали стручки акаций, а в дождь там словно что-то посапывало, и в тишине сильно пахло корнями. Это был небольшой сад, очень таинственный, без всяких аллей, одни хитрые тропки ныряли под кроны и терялись в зарослях. Толька нечаянно запустил стрелу в этот сад, осторожно пошел искать, но не нашел и, ступая по тропке, вдруг встретил его. От испуга Толька не мог даже пошевелинуться, стал смотреть на свою пуговицу, готовый заплакать. А он сел на камень и закурил сигарету.

— Садись, что ли.

Толька молча продолжал стоять, потом чуть осмелел и взглянул на него. Он был в резиновых сапогах, в пиджаке, но без галстука, то есть совсем не такой, каким видели его в городе, когда он ходил в книжный магазин или в библиотеку. Он зажал в ладони черную с рыжиной бороду и усмехнулся. Это Толька увидел исподлобья.

— Ну, а зовут-то тебя как?

— Петров,— буркнул Толька.

— Хм. А дома тебя как зовут? Толя, да?

Толька удивился и сказал «да».

— Вот видишь, я угадал. Теперь ты угадай, как меня зовут.

Петров чистосердечно сказал:

— Варнак.

Легкая, чуть грустная усмешка скользнула по его желтому лицу и затухла в бороде, но Петров этого не заметил. А он весело прищурился и опять поиграл бородой, говоря:

— Все, брат, наврала тебе. Меня Анатолием Семеновичем зовут, мы с тобой тезки. Наврала тебе, Петров, честное слово, наврала!

Петрову стало весело. В самом деле, и борода оказалась не страшная, и глаза, и нос как нос.

— Ты в каком? — снова спросил он Петрова.

— В шестой перевели.

— А Печорина знаешь как зовут?

— Это что в пожарной команде? — догадался Петров.

— Да нет, брат, это вы по литературе должны учить.

— Еще не проходили.

— Ты в четвертой школе? Кто у вас учительница?

— Нина Аркадьевна.

— Ну, а чего ж ты меня испугался?

— Я стрелу искал.

— Какая была стрела, ивовая?

— Ага.— Петров сел на траву.— Наконечника жалко.

— Ну, наконечник это еще полбеды. Я вот другое подумал...

Он стряхнул пепел с сигареты, сделал серьезный вид, поджал губы.

— А что, Ана... Анатолий Семенович?

— Да так, может, еще и ничего.

Петров озадаченно глядел на него. Тогда он пальцем поманил Петрова к себе поближе и шепотом сказал:

— Никому не скажешь?

— Нет! — Мальчик решительно замотал головой.

— Тогда слушай. Тут, понимаешь, много у нас всякого, в саду. Я-то уж знаю. Возьми хоть того же дрозда, вон там у пруда живет. Знаешь, как он поет здорово? Утром ты еще спишь, а он уже на ногах и поет, пока жарко не станет.

«Ну и что?» — подумал Петров и хотел встать, а он заметил скуку на лице мальчика и сказал:

— Если бы дрозд-то один, а то еще и жаба.

Петров глядел удивленно, не замечая того, что рот остался открытым.

— Жаба, конечно, как жаба, прыгает, в осоке ночует. Только ночует днем, а ночью не ночует. Охотится за всякими червяками и очень росу любит. Не нравится ей сухая трава, подавай мокрую...

Петров скептически глядел на него.

— Если б ей только это не нравилось. А то она еще и с дроздом не в ладах, понимаешь?..

Петров понимать понимал. Но в нем смешались две мысли. Одна мысль та, что все это наполовину выдумка, а другая та, что слушать было все равно интересно и уходить не хотелось.

— Как только дрозд запоет, прямо из себя она выходит, глаза пучит, лапами шевелит, не нравится ей, что дрозд поет и весь сад веселит. Ну и что ж, ты думаешь, дрозд на это? А-а-а, не знаешь. А дрозд ничего, поет до жары, хоть бы что ему.

Он снова закурил, в синих глазах скопились искорки, на желтом лице заиграл румянец. Петров слушал и удивлялся.

— Вот ты говоришь, стрела. Плохо будет дрозду, ежели жаба твою стрелу найдет. Если бы дрозд нашел, то ничего. Он бы положил ей на сучки до осени, а осенью стал бы твоей стрелой рябину сшибать. Не веришь? А жаба еще неизвестно, что твоей стрелой сделает. Может быть, пустит прямо в дрозда, когда он запоет завтра утром.

— Не-е! — засмеялся Петров.— Как она пустит, без лука? Что она, человек, что ли?

— А паук-то на что? Знаешь, какую крепкую паутину плетет? Сплетет, закрутит, как веревочку, от сучка до сучка, вот тебе и лук.

Петров опять засмеялся. Видно было, что мальчик не верил в рассказанное, но вдруг заблестели серые с белыми ресницами глаза, и рука нетерпеливо затеребила траву.

— Она еще и карпа не любит.

— Какого карпа? — спросил Петров.

— Зеркального. Он в пруду живет. В него по воскресеньям ласточки смотрятся, как и в зеркало. Не веришь? Усядутся на корягу, он подплывет

поближе, они и смотрятся, ощипываются. Иначе, думаешь, были бы у них такие грудки белые? А ему что, жалко, что ли. Смотрите сколько угодно. Жаба раз погляделась в него и с тех пор невзлюбила.

— Карпа? — Петров опять засмеялся, засмеялся и Анатолий Семенович, хлопнул мальчика по спине.

— Думаешь, не правда? Вот приходи завтра, малины пощиплешь и все своими глазами увидишь. Приходи, приходи, Петров.

Он встал, взъерошил Петрову волосы, хотел еще что-то сказать, но не сказал и легко пошел по тропинке. Петров тоже, только вприскок, побежал домой.

* * *

Дома, когда Петров рассказал, где был, бабка взяла его за ухо и повернула, как поворачивают электрический выключатель.

— Не ходи куда не след, не ходи куда не след,— приговаривала она.— Ишь, к Варнаку пошел, к чахоточному. Да и в тюрьме десять годов просидел этот Варнак... Хоть и зря, говорят, по навету...

От жгучей обиды Петров даже не заплакал, не мог сказать ни слова и убежал в сарайку. Не пришел к ужину, и, когда мать стала звать его, обида опять сдавила горло, и он зарылся головой в подушку. Мальчик вздрагивал плечами до тех пор, пока мать с банкой молока не пришла в сарайку и не погладила его по волосам. Но и тогда еще нет-нет да и драло в горле и слезы приливали к глазам.

— А чего она дерется? — сказал Петров, когда мать, утешая его, легла с ним спать в сарайке.

Вскоре он заснул. Ночью ему снился зеленый пруд, и деревья вокруг, и будто бы пучеглазая жаба плавала в этом пруду, держа во рту потерянную стрелу. Зеркального карпа не было, потом он появился, прилетел и дрозд, начал петь свою песню.

Петров проснулся от того, что пронзительно кричали в сарайке куры. Матери уже не было. Он старался вспомнить, как поет дрозд, но не мог вспомнить и долго лежал с улыбкой, глядел, как в дырку в крыше бьет прямая полоска от солнца.

Во дворе было уже солнечно, и жара томила кусты крыжовника. Где-то на центральных улицах городка гудели автомобили, грохала по мостовой телега. Петров припомнил вчерашнюю обиду и хотел кувырнуть бабкину кадку с - водой, но решил отложить это дело. Бабка развешивала за сарайкой белье. Петрову хотелось на улицу. Вымылся побыстрее, выпил молока в кухне и незаметно подался к воротам. Однако бабка его уследила:

— Гляди не вздумай ходить к Варнаку. Куда лыжи-то наострил?

На улице Петров прежде всего отделался от знакомых мальчишек, вильнул за угол, перебежал пустырь и шмыгнул через разломанный забор. Но это был еще не тот сад. Тот сад был намного дальше, за водоразборной колонкой. Петров крался вдоль сетчатого забора и старался не торопиться. Ага, вот отсюда вчера он запустил стрелу. Вот и тот крапивный пролом. Петров, как и вчера, пролез через этот ход в сад и присел в густых акациях. Было тихо, только шумели

вдалеке июльские улицы. Дрозд уже не пел, как ни старался Петров слушать. Может, уши не стали слышать? Петров дотронулся до больного уха, опять с горечью вспомнил бабуку и пошел через сад по той же вчерашней тропке. В саду было прохладно. Крапива росла в иных местах выше головы, не уступал ей и конский дягиль, цветущий белыми зонтиками. Вдруг заросли трав и деревьев расступились, и Петров очутился на берегу небольшого пруда.

Пруд будто дремал, в нем отражались небо с облаками и вершины берез и лип. А там, чуть дальше, стоял желтый, словно игрушечный, дом с облупившейся охрой на резьбе, антенной на высоком балконе. Узкая галерейка опоясывала второй этаж в три окна, а первый, полуподвальный, в четыре окна, весь был увит плющами. Железная труба с флюгером-петухом венчала резной князек, деревянные столбы у входа напоминали колонны, которые Петров видел на картинке в учебнике по истории.

Мальчик долго глядел на дом, и на пруд, и на тихие от жары деревья. Ему теперь почти верилось, что в пруду живет зеркальный карп и жаба ночует днем в осоке, и что здесь есть в самом деле веселый дрозд, который каждое утро поет от жары. Мальчик зашел в тень и взглянул на то место пруда, где небо не отражалось и можно было смотреть вглубь. Вода была чистая, а дно не видно. И вдруг Петров испуганно отпрянул от берега, в глубине что-то остро, ясно блеснуло. Через минуту — опять. Мальчик вскочил и побежал к дому, еще издали увидел белую рубашку Анатолия Семеновича.

— Я сейчас карпа видел! — издали заорал Петров, а Анатолий Семенович разогнулся:

— Надо бы, брат, сначала поздороваться. Карпа, говоришь, видел?

— Ага!

— Ну, правильно. Ласточки как раз только-только с пруда улетели. Он еще не успел домой на дно уплыть.

— А...

— Ты про дрозда? Дрозд тоже уже отпел, надо было тебе пораньше прийти.

— А почему у огурцов усы? — спросил Петров, наблюдая, как Анатолий Семенович обрывает огуречные усы.

— Усы почему? Наверно, потому, что огурец мужского рода.

— Не-е! — захлеб, торжествуя сказал Петров. — У тыквы тоже усы, а она женского рода! Знаете, какая у нас тыква?

Анатолий Семенович тоже засмеялся.

— Верно! Как это я про тыкву забыл? Ты, пожалуй, прав. Тыква женского рода и тоже с усами.

— А дрозд где сейчас?

— Кто его знает, в саду где-то. У него дел много.

— А жаба?

— Жаба сейчас спит. Ты бы пошел поискал стрелу, пока жаба не проснулась.

Анатолий Семенович сел на скамеечку, как-то странно задышал и вдруг закашлял в большой белый платок, пряча в него все лицо и дергая плечами.

— Иди, иди, поищи...— слабо сказал он между приступами кашля, но мальчик не уходил, испуганный и оробевший, стоял рядом. Желтый высокий лоб Анатолия Семеновича покрылся капельками.

— Вишь, брат, какие дела... Никогда смотри не более. Он дышал часто и прерывисто, руки у него дрожали.

— Слышишь? — Анатолий Семенович поднял палец.

— Что? — Петров улыбнулся, у него сразу отлегло от сердца, когда глаза Анатолия Семеновича заиграли, как и раньше.

— Слышишь, как трава растет?

Мальчик прислушался, и сквозь дальний городской шум ему взаправду показалось, что он слышит, как растет и чуть шевелится горячая от солнца трава.

— А Таня говорит, что трава только по ночам растет.

— Какая Таня?

— Я с ней на одной парте сидел, а потом ее Нина Аркадьевна с Тонькой-ябедой посадила, а меня рассадила.

— За что рассадила?

— Нас жених и невеста дразнили.

— Хм...

— Таня говорит, что трава по ночам растет. А почему?

— Ты спроси у нее, у Тани. Она, наверное, знает почему. Слышишь? А может, вы вместе с Таней ко мне придете?

Петров сказал, что когда начнется школа, Таню он позовет, и они придут сюда вместе. Анатолий Семенович взял его под мышки и подкинул в воздухе.

Потом они долго ходили по саду, ели малину, искали стрелу, но так и не нашли, а через день со второй сменой Петрова отправили в пионерлагерь.

2

Пришла и осень. То и дело брызгали уже холодные дождики. По ночам в городе стало темнее, а днем пахло огурцами и бензиновым дымком, бабкина кадка стояла под застрехой все время полная. Вернувшись из лагеря, Петров начал ходить в школу. Он все собирался сбежать к Анатолию Семеновичу вместе с Таней, но она сидела от него далеко, а в перемены не выходила из класса, и Петров стеснялся с ней разговаривать.

Сегодня он еще ночью, во сне, когда снился веселый дрозд, решил обязательно вместе с Таней сходить к Анатолию Семеновичу. Утром принесли газету, бабка завернула пирог с творогом прямо в эту свежую газету. Петров это сразу заметил и сказал бабке, что ей опять влетит от отца за то, что истратила свежую газету. Бабка, испугалась, но газета все равно была испорчена жирным пирогом, и Петров побежал в школу.

Петров немного запоздал на урок, и ему пришлось просить разрешения войти: Тонька-ябеда была дежурная, она встала и нарочно тоненьким голоском начала докладывать:

— Нина Аркадьевна, в классе восемнадцать человек, все пришли с носовыми платками, двое не выполнили домашних заданий. Петров опоздал на две минуты...

Петров украдкой наблюдал за Таней и Тоньку не слушал. Он опять вспомнил, что еще летом обещал Анатолию Семеновичу вместе с Таней прийти в сад слушать дрозда. А почему трава только по ночам растет? Наверно, оттого, что ночью не мешает никто. А стрелу, может, и правда жаба спрятала? Скорей бы уроки, что ли, кончились.

И вдруг ни с того ни с сего Нина Аркадьевна велела всем мальчикам выйти из-за парт и выложить из карманов все, что там есть. Петров выложил носовой платок, рогатку и маленький кусочек мела. Нина Аркадьевна медленно шла между партами, смотрела, что выложено. Дошла очередь и до Петрова.

— Петрофф! Выйди к доске.

Все сели, только Петров стоял у доски.

— Поднимите руки, у кого еще в кармане есть мел! — сказала Нина Аркадьевна.— А ты, Петров, скажи, почему написал в мальчиковой уборной нехорошие слова?

Петрова даже в жар бросило. Никогда никаких слов и нигде он не писал, даже в уборной сегодня не был ни разу. Он чуть не заплакал, покраснел и хотел выбежать из класса.

— Хорошо,— сказала Нина Аркадьевна.— После уроков зайдешь в учительскую. А сейчас начнем урок.

Она вернула ему платок, рогатку положила в портфель и за локоть отвела на место.

— Нина Аркадьевна,— Тонька подняла руку,— а мел и у Иванова, и у Смирнова, я сама видела, как они его в парту прятали.

Петров хоть и не любил Тоньку, но тут обрадовался ее голосу, обида и накипевшие были слезы рассосались где-то в носу. Нина Аркадьевна заставила самостоятельно прочитать былинку «Вольга и Микула», Петров читал, но читать было неинтересно.

На последнем уроке Петрова вызвали в учительскую допрашивать, но оказалось, что кто-то уже видел, как Смирнов писал в уборной эти проклятые слова. Петрова отпустили, только отругали за рогатку. Он выскочил из учительской и шмыгнул в раздевалку, потому что все равно уже был звонок. В раздевалке он увидел Таню и не нарочно стукнул Тоньку-ябеду портфелем в бок.

— Тили-тили тесто, жених и невеста! — прошипела Тонька и показала язык. Петров хотел стукнуть уже нарочно, но надо было догнать Таню, чтобы вместе сходить к Анатолию Семеновичу. Однако Таня уже ушла. Петров решил, что с Таней сходят к Анатолию Семеновичу вместе в другой раз, а сегодня лучше сбежать одному.

Он подошел к дому с улицы, а не через сад, узнал это место по флюгеру-петуху, что виднелся из-за высокхлип. Первые опавшие листья уже шелестели под башмаками у калитки и у сетчатого забора. Калитка была заперта Петров постучал, но никто не открывал. Тогда он перелег через забор и подошел к дому. Дверь за деревянными столбами была тоже закрыта, окна почему-то стали без

занавесок, и вокруг никого не было. Мальчик обошел дом, постоял у цветника. Но его никто не окликнул. «Куда же уехал Анатолий Семенович?» Петров постоял еще и направился домой через сад. «Наверное, на море уехал,— подумал Петров,— он на море хотел ехать». Теперь сад был совсем не тихий. Он шумел от сентябрьского ветра. Влажные листья падали на грядки. Петров подошел к пруду. «Интересно, будет карп есть пирог с творогом или не будет?» Пирог так и остался цел из-за всех сегодняшних происшествий. Петров развернул газету и начал кидать кусочки пирога в пруд, потом вздохнул, оглянулся. Куда же деть эту газету? Анатолию Семеновичу наверняка не понравится, если бросить ее тут. Он взглянул на смятую бумагу, хотел затолкать пока в карман, но ему бросились в глаза чем-то знакомые слова, «...Варнакова Анатолия Семеновича». Петрова что-то кольнуло от этих слов. «Обком и облисполком с прискорбием извещают о смерти Варнакова Анатолия Семеновича». Петров еще раз перечитал слова в рамочке. Он, ничего не понимая, огляделся вокруг и вдруг увидел свою стрелу. Она лежала под березой, несколько листков уже упало на нее, наконечник из консервной банки заржавел. Петров поднял стрелу, опять перечитал объявление и внезапно понял, заплакал, побежал... Он не помнил, как перелез через забор и разорвал штаны, как чуть не попал под машину, как почему-то добежал до того дома, где жила Таня. Он знал, что Таня живет в одном доме с учительницей, знал, который подъезд, не знал только, какая квартира. У подъезда он посмотрел на потемневшую дощечку с фамилиями жильцов. Слезы не давали ему читать, но перед цифрой «двадцать» он все же прочел почти стертые, написанные давным-давно слова:

«Варнакова Нина Аркадьевна».

Он не мог понять, почему у Нины Аркадьевны фамилия оказалась Варнакова, хотел бежать вверх по лестнице в двадцатую квартиру, но вдруг увидел Нину Аркадьевну. Она выходила из подъезда деловитая, с крашеными губами, в белых перчатках.

— Петрофф! Тебе кого здесь?

Он повернулся, выронил стрелу и, размазывая по лицу чернильные пятна и слезы, пошел со двора.

Желтый листок сорвался с ветки, покрутился, задержался на петровской фуражке и упал на асфальт. Заморосил дождь, и ивовая стрела мокла около Таниного подъезда.